

Опубликовано в журнале:

«Неприкосновенный запас» 2008, №4(60)

Кейт Миллет. Политика пола

Кейт Миллет (р. 1934) -- социальный историк, представитель радикального крыла феминистского движения.

Можно ли рассматривать отношения между полами в политическом смысле? Это зависит от того, как определяется политика. В моем определении политическая сфера не сводится к тому узкому привилегированному сектору, который, как известно, представляет собой институциональная или официальная политика демократов и республиканцев, -- у нас есть все основания устать от нее и относиться к ней с подозрением. Под политикой я понимаю отношения, структурированные властью, все устройство общества в целом, при котором одна группа людей управляет другой, одна группа является господствующей, а другая -- подчиненной.

Пришло время разработать более обоснованную и фундаментальную психологию и философию властных отношений, которые до сих пор не рассматривались за пределами институционализированной политики. Пришло время сосредоточиться на определении политической теории, которая занимается властными отношениями, не ограничивая их такими формальными критериями, как политический истеблишмент, но подразумевая под ними личное общение между членами четко определенных и устойчивых групп -- рас, каст, классов и полов. Притеснение в рамках этих групп является столь полным и постоянным именно потому, что они не имеют представителей в формальных политических структурах.

В недавнем прошлом мы были вынуждены признать, что отношения между расами в Соединенных Штатах действительно являются политическими и относятся к числу тех, которые контролируются той или иной группой, принадлежность к которым определяется по праву рождения. Группы, правящие по праву рождения, быстро исчезают на Западе, и сторонники доминирования белых обречены повторить путь аристократии и других угасающих высших каст. Тем не менее, у нас есть один древний и универсальный механизм политической эксплуатации одной группы другой -- в области пола.

Подобно тому, как исследования расизма убедили нас, что между расами существуют подлинно политические отношения и что существует ситуация угнетения, на которую подчиняемые группы не могут воздействовать посредством формальных политических структур,

организуя политическую борьбу и оппозицию, точно так же любое осмысленное и объективное изучение нашей системы сексуальной политики или структуры половых ролей докажет, что отношения между полами сейчас (и на протяжении всей истории) являются тем, что Макс Вебер однажды назвал *Herrschaft*, то есть отношением господства и подчинения, полученным по праву рождения, -- ситуацией контроля одной группы над другой, благодаря которому мужчины управляют, а женщины являются управляемыми. Женщины поставлены в положение меньшинства самой историей и остаются им и после того, как в начале этого века, несмотря на недовольство, были расширены некоторые их минимальные права: права гражданства и участия в выборах. Глупо полагать, что теперь, имея право голоса, женщины, белые или черные, в большей степени представлены в политических структурах, чем раньше. Предшествующая история со всей очевидностью показала, что обладание правом голоса на протяжении ста лет, в общем-то, не принесло человеку с черной кожей ничего хорошего.

Почему, если этот механизм мужского управления и контроля над нашим обществом столь очевиден, почему он никогда не признавался и не обсуждался? Отчасти, как я подозреваю, потому что такая дискуссия считается крайне опасной и потому что культура вообще не стремится обсуждать то, на чем прежде всего сама и основывается, и что лелеет как самые стойкие свои предрассудки. Почему никто никогда не отмечал, что армия, промышленность, университеты, научные сообщества, политические и финансовые структуры (несмотря на абсурдные заявления противоположного характера, основывающиеся на том факте, что какая-нибудь старушка является обладательницей акций, судьбой которых не распоряжается), любое средство власти в нашей культуре, включая репрессивные силы полиции, полностью сосредоточено в мужских руках? Деньги, оружие, сама власть -- все это сфера деятельности мужчин. И даже Бог -- мужчина, и, к тому же, белый мужчина!

Причины этого величайшего увиливания от фактов, характеризующих нашу ситуацию, многочисленны и очевидны. Они также довольно занимательны. Давайте посмотрим на некоторые из множества способов защиты, которые выстроила маскулинная культура, чтобы предотвратить любое посягательство на свое господство или даже его демонстрацию: один из них состоит в том, чтобы реагировать при помощи нелепого и примитивного механизма смеха и отрицания. Пол -- это смешно, это грязно, это то, что есть только у женщин. Мужчины не являются существами, обладающими полом, они -- люди, они -- человечество. Поэтому любая рациональная дискуссия о реальностях половой жизни немедленно вырождается, как только мужчинам удастся превратить ее в сопровождаемый смешками разговор, во время которого с помощью

клише, столь древних, что они имеют почти что ритуальную ценность, женщин, которые стремятся вести серьезный диалог, «ставят на место». На уровне общей установки, пол, и в особенности сам «подрывной» субъект отношений полов, -- это предмет, закрытый для разумного исследования и доступный только насмешкам и легкомысленным шуткам.

Второй способ, с помощью которого наша культура избегает признания мужского господства, -- это посредничество народной мифологии. От Дэгвуда[2] до обычного профессора колледжа, пол -- это сфера фольклора, и общепринятый взгляд во всех случаях состоит в том, что мужчина является «жертвой» широкомасштабного заговора. От фольклорной фигуры Джиггза или Панча[3] до новейшего исследования вреда, причиняемого матерями своим сыновьям, везде нас атакует злой дух властной женщины -- женщины, представленной как какое-то ужасное и первобытное природное зло. Это сохранившийся в XX веке реликт первобытного страха перед чем-то неизвестным, неизвестным, по крайней мере, для мужчины, ведь не забудем, что в нашей культуре именно мужчина определяет реальность. Мужчина невинен, его все время обманывают, повсюду ему угрожает опасность лишиться своей власти. Дэгвуд -- архетипический муж, находящийся под каблуком у жены, -- составляет предмет народных шуток только потому, что культура предполагает, что мужчина либо должен управлять своей женой, либо перестает быть настоящим мужчиной. Подобно оболваненному плантатору, которым на самом деле вертит его более умный управляющий или слуга, Дэгвуд является членом правящего класса, над которым насмеются с некоторым сочувствием за то, что он слишком человечен или слишком некомпетентен, чтобы управлять, и в то же время он вызывает сочувствие потому, что любой другой член привилегированной группы в глубине души знает, как обременительно поддерживать иллюзию превосходства над теми, кто является по природе равным тебе.

Образ мужчины-жертвы -- это не просто миф, это политически выгодный миф, изобретенный и распространяемый для того, чтобы служить политическим целям рационализации или смягчения и частичного отрицания власти. Настоящие отношения полов в нашей культуре от начала истории были диаметрально противоположны тем, которые утверждает официальный культ «притесняемых». Хотя наша культура стремится на любом уровне дискуссии отрицать логически обоснованное обвинение в угнетении, которое обнаружил бы любой объективный взгляд на структуру отношений полов, маскулинное общество использует восхитительную тактику присваивать все возможное сочувствие себе. Недавно у него завелась привычка все время восклицать, что оно жертва противоестественной хирургии... что оно

«кастрировано». Даже Альбер Шенкер недавно обнаружил, что община округа, населенного черными жителями, мэры и совет по образованию совершили этот чудовищный акт над его персоной[4]. Скажу пару слов, чтобы успокоить тех, кто боится слова «кастрация». Последний пример осуществления этой операции над белым мужчиной в западной культуре имел место в конце XVIII века, когда ради музыкального искусства жизненно важную часть своей анатомии утратил последний кастрат, что, прибавлю, было осуществлено руками другого мужчины. Ибо кастрация -- это древняя жестокость, которую мужчины совершают друг над другом. На американском юге это был еще и способ, которым Ку-клукс-клан подвергал унижению своих чернокожих жертв. На древнем востоке это была варварская форма наказания за преступление. При дворах итальянского ренессанса кастрация была извращенным методом, благодаря которому для папского хора поставлялись мужские сопрано. Считалось, что женщины обладают слишком земной природой, чтобы исполнять церковные песнопения, поэтому, чтобы возместить отсутствие высокого музыкального регистра, молодых людей превращали в евнухов, отправляя их под нож.

Коль скоро практика физической кастрации была отменена, очевидно, что это слово, в нынешнем его употреблении, должно понимать метафорически, а не буквально, -- если предположить, что есть хоть какой-либо смысл в той воображаемой тревоге, которой охвачено эго современного мужчины, ибо сегодня на каждом шагу, в медиа и культуре, как высокой, так и низкой, мужчины стали видеть ужасный призрак кастрирующей женщины, и их параноидальное заблуждение принимается за социальный факт. Ассоциируя весьма путаным образом свои гениталии со своей властью, мужчина теперь кричит, словно от физической боли, всякий раз, когда под угрозой оказываются его социальные и политические прерогативы. Если под кастрацией подразумевается чувство утраты, которое вызывает необходимость поделить власть с угнетенными группами, лишенными власти или даже человеческого статуса, тогда в Америке есть много белых мужчин, которым придется пострадать от этой психической операции, но она будет устранением раковой опухоли в мозгу и сердце, а не отсечением какого-либо полезного или хотя бы приносящего удовольствие органа. Утверждать, что любая женщина, которая настаивает на статусе полноценного человека, является «кастрирующей сукой» или повинна в темном грехе «зависти к пенису» (только законченный мужчина-шовинист мог выдумать это определение), столь же очевидно глупо, как утверждать, что обездоленные чернокожие хотят стать белыми: дело не в том, чтобы быть белым, а в том, чтобы иметь справедливую долю того, что имеет белый, -- всего мира человеческих возможностей.

Полностью осознавая, что равные права влекут за собой равную ответственность, я совершенно уверена, что среди всего, чем владеет белый мужчина, есть и то, чего я совершенно точно иметь не хочу: например, зеленый берет, огнеметы *Zippo*, сделанные для того, чтобы сжигать дотла деревни, ухо мертвого крестьянина, ужас от вида обуглившегося тела вьетнамского ребенка. Меня также несколько не интересуют навыки насилия, ведения войны (за исключением справедливого дела самозащиты, а я не представляю, чтобы в американской внешней политике такое могло случиться), или империалистического расизма белого мужчины, или сексуального насилия, или капиталистической эксплуатации нищеты и невежества.

Благодаря дымовой завесе маскулинной пропаганды до нас доносится только бесконечное нытье о кастрации, тогда как действительные преступления, которые мужчины совершают против женщин, не упоминаются никогда. Считается дурным тоном, недостойным поведением говорить о том, что каждый год в Нью-Йорке происходят тысячи изнасилований или преступлений против женщин -- я говорю лишь о тех примерах, о которых сообщается официально, что составляет, вероятно, десятую часть всего, что происходит в этой области. Также широко принято считать случай Ричарда Speca [5] и множество других, ему подобных, ни чем иным, как совершенно нетипичным и несущественным примером индивидуальной патологии, -- что представляет собой еще один пример отказа признать, что Спек просто реализовал нечто, присущее большинству последовательных сторонников мужского превосходства, и таким несть числа. О том, что убийства Speca находят отзвук в сюрреалистических закоулках мужской фантазии и в желаниях мужчин, свидетельствует и все легкомысленные эссе о садизме, и торговля белыми рабами на злачной 42-й улице, и антисоциальный характер жесткого порно. «История О» [6] рассказывает об этом как о мужской фантазии, не хуже «Ромео и Джульетты». Тем же самым занят и «Playboy»: посмеиваясь над тем, как он ловко «раскрутил» своего Зайца, он мечтает «трахнуть» и зайчиху Банни или женщину, превращенную в покорную и податливую куклу-животное.

Воистину степень и глубина мужской ненависти и враждебности к подчиненной ему колонии женщин вызывает изумление. И, как за ослепляющим миражом «черных», монотонно напевающих что-то в вечерних сумерках, находится реальность дыбы, кнута и кандалов, так и история женщин наполнена выразительными артефактами: спеленутые ступни китаянок -- женщин, чье тело намеренно деформировалось, чтобы их можно было лучше контролировать (с такими изувеченными ногами можно работать, но трудно убежать); исламское покрывало (означающее неполноценное существование человека, приговоренного полжизни ежедневно носить на голове холщовый мешок); плетка, розги,

домашнее заточение -- и на протяжении почти всей мировой истории -- изнасилования, принуждение к сожительству, проституция. Да, у нас есть свой собственный впечатляющий каталог откровенных проявлений тирании. Женщин по-прежнему продают в Саудовской Аравии и в других местах. В Швейцарии они по сей день лишены избирательных прав[7]. И почти что повсюду на этой земле они живут только за счет бартерной системы: секс в обмен на пищу. Как любая система угнетения, мужское превосходство основывается, в конечном счете, на физической силе, изнасиловании или угрозе насилия. Когда все остальные возможности воздействия исчерпаны, мужчина попросту нападает. Страх перед силой всегда используется как средство воздействия на женщину: увольнение, развод, насилие -- сексуальное или экономическое.

Как и в любом обществе, которое находится в состоянии войны, принуждение, исходящее от власти мужчин, эвфемистически называемое «битвой между полами», возможно только благодаря обычной лжи, выгодной для одной из воюющих сторон: враг -- это зло, враг -- не человек. Мужчины всегда были способны верить в злую природу женщин. Изучение первобытных обществ, как и изучение наших собственных религиозных текстов, предоставляет бесчисленное количество примеров табу, установленных в отношении женщин. Представления аборигенов островов Индийского океана совпадают с иудаизмом в убеждении, что женщина во время менструации является «нечистой», находится под запретом, она неприкасаемая. Если у нее есть доступ к оружию или другим сакральным, ритуальным предметам мужчины, она может сглазить или навести порчу, чего их маскулинные владельцы не переживут. Все, что принадлежит ее внешности или физиологии, является презренным или субверсивным. Пусть она покинет деревню и поселится одна в хижине, без еды во время своих месячных, пусть ей будет запрещено входить в храм, и даже спустя несколько дней после того, как она дала жизнь самому спасителю -- хладнокровно сообщает нам Евангелие, -- ей предписано оставаться за ее пределами, ибо она по-прежнему является нечистой. Нечистой и загадочной. Вам никогда не казалось странным, что поллюции не считались нечистыми или загадочными, что пенис (пока индустриальная эпоха не решила скрывать его для большего эффекта) никогда не считался грязным, но представлялся таким властным и величественным, что его форма придавалась скипетрам, бомбам, пистолетам и самолетам?

В истории огромное количество народов открыто поклонялось фаллосу. Вполне возможно, что еще большее количество народов некогда поклонялось женскому лону или плодородным силам земли. Также вполне возможно, что одна из множества причин, приведших к повсеместному теперь угнетению женщин и презрительному к ним

отношению, скрывается в самом мужском страхе перед женской способностью давать жизнь, который мог стать движущей силой того огромного изменения в мировом устройстве, называемого нами патриархальным переворотом. Живя в тесной связи с землей, не изобретая еще собственных игрушек для войны и строительства великолепных городов-государств, где будут трудиться множество рабов, возводящих бездушные монументы, и, не осознавая своей собственной жизненно важной роли в зачатии, мужчина вполне мог испытывать зависть к женщине и к тому, что в те времена казалось ее чудесной способностью порождать человеческую жизнь из своего лона. Усмотрев в этом связь с фазами луны и годовым циклом земной растительности, чувствуя одновременно трепет, ужас и, наконец, ненависть, мужчина решил свергнуть эту функцию с той высоты, где, как он вполне естественно предполагал, она была в стоворе со сверхъестественными, ужасными, неконтролируемыми силами природы, и низвести ее до уровня чего-то животного, пагубного и непристойного. И вот, тем самым, нечистый тотем был присвоен мужчиной, а табу предписало тысячи разных способов действовать против женщин.

Извратив все эффекты женской власти, мужчина приступил к расширению власти собственной. В конце концов, присвоив весь возможный доступ к сверхъестественному, он заключил союз с новым мужским богом (одновременно со своим братом и своим отцом, в зависимости от благоприятных или неблагоприятных обстоятельств), а затем принялся провозглашать свое родство с божеством посредством долгого и внушительного перечня патриархов и пророков, высшего духовенства и императоров. Вступив в партнерство с Богом, мужчина превратил себя в Бога для женщин. Мильтон написал об этом так: «Он -- только для Бога, она -- для Бога в нем»[\[8\]](#).

В некоторых культурах допускалось, чтобы на низшем уровне божественные женские фигуры служили для идентификации с ними земных женщин, -- польза здесь заключалась в том, чтобы побуждать их к принудительному сотрудничеству в управлении ими самими. Так, они могли видеть, как они удостоены чести в историях об изнасиловании Юпитером Европы и Леды, как им оказано расположение в сценариях соблазнения божеством, представленных в бесконечной череде лесных нимф, являющих собой деградировавшие божества племенных богинь, оставшихся не у дел теперь, когда их матриархальное царствование закончилось, или воплощенными в той первой беспокойной женщине Юноне -- непокорной жене.

Но в более строгих патриархальных обществах, таких, как иудейское и христианское, никакого заигрывания с богинями никогда не было. Христианство возвело Деву Марию в статус божества только в XII веке,

а через четыре столетия протестанты лишили ее этого статуса. Затея сделать ее одновременно и девой и матерью не только вызывает восхищение своей изобретательностью, но и изумление тем, насколько она оказалась действенной: здесь божественная, или почти божественная, женщина полностью освобождается от той коварной сексуальности, которая всегда определяла женщину.

Простые смертные женщины в христианскую эпоху пребывали в постоянной уверенности в том, что им присуще внутреннее зло и что они находятся ниже мужчин, в чем их убеждала целая процессия фанатичных сторонников мужского превосходства начиная от апостола Павла, который полагал, что непокрытые волосы женщин в церкви -- это сильнейшая провокация и бесстыдный призыв к дьявольскому соблазну, что было для него более очевидным, чем для других (что должно сводить сексуальность всей человеческой расы только к одной ее половине), до святых Иеронима, Августина, Фомы Аквинского и целой плеяды аскетов, отшельников и множества других в том же роде, которые проецировали свою неумную сексуальность на женщину. Ибо так велико влияние христианского учения, заключенного в рассказе о Еве и других известных примерах того, что «зло» секса вошло в мир только через женщину, что сегодня даже женщины думают именно о женщинах, когда думают о сексе, сексуальной привлекательности, сексуальных объектах, сексуальности и сексуальных символах, -- довольно удивительный парадокс для общества, которое настойчиво навязывает женщинам гетеросексуальность.

Иудаизм даже еще более педантичен, чем христианство, в вопросе мужского превосходства. Первое, что утром совершает каждый мужчина-иудей, он благодарит бога за то, что тот создал его мужчиной, а значит, высшим существом. Мне ничего не известно о том, что после пробуждения полагается по этому поводу говорить еврейским женщинам, возможно, это какой-то совет, который они дают сами себе, не вставать в позу неоднократно высмеянной властной еврейской матери.

Конечно, не удивительно, что при патриархате религия, какой мы ее знаем, видит в насаждении мужского превосходства, санкционированном божьим повелением, часть своей деятельности, но тем же занимается и литература, а также все традиционные и современные представления об управлении. Эти банальности, которые постоянно выдаются за социальную науку, и даже, несмотря на влияние Просвещения, в этом участвует сама наука, прибегая к объяснениям, выгода которых совершенно прозрачна и состоит в сохранении традиционной сексуальной политики на основаниях, столь

правдоподобных, что в этом есть даже определенное комическое очарование.

Еще один способ, которым современная маскулинная культура отклоняет вопрос о сексуальной политике, состоит в том, чтобы свести две общности -- мужчин и женщин -- к бесконечному разнообразию чисто *индивидуальных ситуаций*, когда все случаи являются уникальными: каждый представляет собой деликатную проблему прилаживания одного особого характера к другому, и все они, в итоге, оказываются только абсолютно приватным вопросом отношений двоих. То, что в значительной мере именно таким и является наш излюбленный метод описывать отношения полов сегодня, со времен Фрейда и развития психоанализа в качестве науки о приватном, вероятно, в значительной мере связано с тем удобством, которое он предоставляет, защищая нас от неприятной реальности отношений между полами, которую мы обнаруживаем, когда начинаем рассматривать их в целом или в терминах класса/касты, то есть так, как мы научились рассматривать расу. Ведь мы очень хорошо знаем теперь, что раса не является вопросом отношений между одним работодателем и его «посыльным» или одной семьей и ее «служанкой», -- ее следует рассматривать в гораздо более уместном свете проблемы контроля одной расы над другой.

Индивидуальный случай переводит наш более старый миф об опасной Женщине в более новое, но к настоящему моменту довольно приевшееся клише «суки», что является самой избитой фигурой современных медиа. Интересно отметить, что благодаря этому стереотипу мужчина начинает воображать, -- никогда в этом открыто не признаваясь и не высказывая этого, -- что «суками» являются все женщины. Также озадачивает, что женщина, находясь в положении меньшинства и потому всецело являясь порождением структуры мужской власти, безосновательно и несправедливо обвиняется почти во всех недостатках сегодняшней американской жизни и, по существу, превратилась в подлинный символ *ненавистного истеблишмента*. Проводя конкурсы красоты, мужчины стремятся найти женщину, наиболее подходящую для них на роль «талисмана», приносящего удачу, девушки-спутницы, -- все, что угодно, лишь бы не допустить ее личного участия в этом празднике жизни. Будучи женой или подругой, женщина занимает отнюдь не постоянное место в жизни мужчины: ее легко заменить, и, как мы знаем, подобный взаимобмен «устаревшими моделями» жен и любовниц широко распространен. Женщина может спать с тысячами мужчин в год, но если она воображает себе, что в этом и заключается ее триумф, то она действительно живет в мечтах.

Для целей мужской пропаганды одно из наиболее удачных следствий мифа об *индивидуальном случае*, состоит в том, что за любым сопротивлением нынешней политической ситуации, характеризующей отношения полов, следует убийственное обвинение в грехе невроза. Когда психология заняла место религии в качестве конформистского принципа, регулирующего социальное поведение, всякую деятельность, идущую вразрез с господствующими в обществе силами (которые, кстати, считает «нормальностью»), она провозгласила невменяемым, достойным жалости или опасным поведением. Согласно этому критерию, сегодня в Соединенных Штатах «нормальностью» являются расизм, политическая жестокость и безжалостная экономическая эксплуатация.

Именно так и происходит, если вы принимаете социальную жизнь XIX века за *естественное состояние* и *пример здорового общества* одновременно. Любая женщина, которая не соответствует единственно возможному стерильному стереотипу жены и матери или не склоняется в крайнем почтении перед мужской властью и мнением мужчин по абсолютно любому вопросу, понятное дело, чокнутая. Это сказали мужчины.

Еще один механизм охранения нынешней, традиционной сексуальной политики заключается в постоянном утверждении, что все уже давным-давно улажено: «Мы дали вам право голоса, -- говорит с изумительным высокомерием облеченный властью мужчина. -- Мы пошли к избирательным участкам и включили вас в род людской, потому что однажды вы упомянули о том, что случилась такая оплошность, ну, и мы, как любезные парни, немедленно исправили этот суций пустяк».

Все вышеупомянутое является одновременно искажением истории и отрицанием реальности. Вынужденные подняться на широкомасштабный и мощный протест, который стал моделью для рабочего движения и движения черных, женщины начали долгую и почти безнадежную борьбу. На протяжении более чем полутора сотен лет они сражались против превосходящих сил господства и подавления, чтобы в итоге получить этот, ничего не стоящий, клочок бумаги, называемый бюллетенем. Мы получили его позже всех: женщины, черные и белые, стали гражданами Соединенных Штатов в самую последнюю очередь, и мы должны были работать больше всех, чтобы его получить.

И теперь, обладая правом голоса, мы осознаем, как жестоко были обмануты. Мы так долго боролись, так много работали, столько раз преодолевали отчаяние и усталость, мы просто говорили тогда: дайте нам это, и мы сами сделаем остальное. Но мы не осознавали, как, быть

может, не осознавали этого и чернокожие, до того как начали борьбу за свои гражданские права, что бюллетень не является реальным доступом к гражданской жизни в Америке; он вообще ничего не означает, если вы не имеете своих людей в этой представительной демократии. И мы представлены сейчас не больше, чем черные... обе группы имеют только по одному сенатору, по одному дядюшке Тому на брата. В Соединенных Штатах на государственной службе находится меньше женщин, чем в какой-либо другой стране мира, -- мы более эффективно изгнаны из политической жизни, чем любые другие группы избирателей в Америке, -- а ведь мы составляем 53% ее населения. Политические кандидаты объявляют о своем намерении помочь в случае своего избрания детям-астматикам и умственно отсталым всех возрастов, но ни слова о женщинах, составляющих половину населения, ни слова о самой большой в истории группе, имеющей статус меньшинства. Ни слова об этом.

Теперь настало время развеять официально поддерживающуюся на Западе, и в особенности в Соединенных Штатах, иллюзию о том, что сейчас существует социальное и политическое равенство полов, ибо на самом деле это чистое надувательство. Любое возражение против подобного благочестивого воззрения парируется опасливыми заявлениями, что «у женщины слишком много власти, они правят миром», и другими легкомысленными и пикантными подробностями, в которые говорящий, как ни странно это может показаться, часто вполне верит. Ибо обладатель мелкого мужского эго (такого, как у люмпена-южанина или члена рабочего профсоюза с Севера, голосовавших за Уоллеса[9]) в своей паранойе, похоже, верит, что если одна женщина или один черный мужчина на миллионы может сделать почти столько же или даже немного больше, чем он, то вся группа немедленно завладеет тем жалким уголком мира, который он считал своим по праву рождения, так как он белый, и так как он мужчина, -- а именно с этими качествами он связывает свою идентичность. Такая позиция возникает потому, что его эго мешает увидеть, что его эксплуатирует та самая каста, частью которой он себя воображал и с которой он разделяет, как он думает, несмотря на всю очевидность противоположного, дары земли и американскую мечту. Или тот кошмар, которым она является.

Реальные факты, характеризующие положение американок, являются достаточным свидетельством того, что женщины, белые или черные, пребывают на дне общества, даже если спят с его верхами. Сами по себе они никто, и каждый день им напоминают об этом, и напоминают так хорошо, что это саморазрушительное представление начало превращаться в их собственное внутреннее убеждение. Статистика Департамента труда не может скрыть того факта, что мир, в котором мы живем, -- это мир, принадлежащий мужчине, белому мужчине. Средний

годовой доход белого мужчины составляет 6704 доллара, черного мужчины -- 4277 долларов, белой женщины -- 3991 доллар, черной женщины -- 2816 долларов. Студенты, вы живете в мире Утопии -- наслаждайтесь ею, потому что это единственный момент в вашей жизни, когда с вами обращаются почти как с равными. Когда вы выйдете замуж или получите работу, вас заставят увидеть, на чьей стороне сила, но тогда будет слишком поздно. Вот почему вам надо сейчас формировать самих себя: посмотрите на свое резюме и посмотрите на свои домашние обязанности -- с этого начинается осознание того, что с вами обращаются несправедливо.

Но угнетение женщин является не только экономическим -- это только часть общего, психологического, тотального угнетения, существующего в сознании. Давайте посмотрим, принцип его действия, ибо оно обладает волшебной силой. С самого раннего возраста каждую девочку тщательно обучают тому, что на протяжении всей ее жизни ей предстоит быть некомпетентной во всех сферах сколько-нибудь значимой человеческой деятельности, поэтому она должна превратить себя в сексуальный объект -- в Вещь. Она должна быть хорошенькой, а мир будет ее оценивать: взвешивать, судить, измерять только по ее внешнему виду. Если она хорошенькая, она может выйти замуж; тогда она может перенести свою энергию на беременность и кружевные салфеточки. Такая жизнь -- это и есть удел женщины. Это то, что сводит ожидания и возможности половины человечества к однообразному существованию животного.

Пришло время осознать, что вся структура личности мужчины и женщины навязывается моделью воспитания, принятой в обществе, в которой все возможные свойства этой личности -- Маргарет Мид[10] сравнила их однажды со множеством цветов спектра -- произвольно сортируются по двум категориям. Агрессия является мужским свойством, пассивность -- женским, насилие -- мужским, нежность -- женским, ум -- мужским, чувства -- женским и так далее. Все человеческие качества произвольным образом разносятся по двум беспримесным сферам и внедряются в сознание детей при помощи игрушек, игр, социальной пропаганды по телевизору, безумных идей, посещающих советы по образованию, о том, из чего складываются мужская и женская роли. Мы должны исследовать этот карточный домик дурацких комплексов и приписываемых свойств и взять только то, чем можно воспользоваться: этику Данте, Шекспира, Мурасаки[11], Моцарта, Эйнштейна в их стремлении ценить человеческую жизнь и заботиться о ней, то есть то, что мы воспитываем в женщине, -- и принять это в качестве общечеловеческих качеств вообще. Затем мы должны озаботиться устранением таких объектов и понятий, которые не являются достойными человека, или даже вообще противоречат его

природе: воин, убийца, герой-разрушитель, пассивность, ведущая к бессмысленным жертвам.

Мы должны постараться осознать и научиться понимать, что ум и благоговейное отношение к жизни -- *общечеловеческие* качества. Настало время здраво посмотреть на отношения сексуальности и личности и признать, что нынешнее приписывание свойств темперамента полу является идиотским, ограничительным и случайным. Воинственность, комплекс убийцы, самоидентификация, основанная на том, как часто или сколь эффективно человек может угнетать равного себе, -- все это должно исчезнуть. В Америке выросло целое поколение, у которого воинственный мужской идеал вызывает полное отторжение, его представители знают, что, родившись мужчинами, не нужно доказывать это, убивая или украшая себя шрамами. Существует огромное количество женщин, начинающих просыпаться от долгого сна, которым является их участие в собственном угнетении и очернении. Они объединяются в существующие по всей стране отделения Национальной женской организации, бесчисленные группы «Радикальных женщин», возникающие в городах по всей стране и миру, в группы борьбы за освобождение женщин в составе движения «Студентов за демократическое общество» («StudentsforDemocraticSociety»), в другие движения. Они объединяются, чтобы положить начало новому, мощному женскому движению в Америке и мире, чтобы установить подлинное равенство между полами, уничтожить старый механизм сексуальной политики и заменить его более человечным и цивилизованным миром для обоих полов, покончить с нынешней системой угнетения как мужчин, так и женщин.

Существуют и другие силы, работающие над тем, чтобы полностью изменить лицо американского общества: черное движение, стремящееся покончить с расизмом; студенческое движение, с его многочисленными участниками и возможностями распространять идеи нового общества, основанного на демократических принципах, свободного от воинственных рефлексов, а также от рефлексов экономической и расовой эксплуатации. Чернокожие, студенты и женщины -- это великое множество людей, общая численность которых, возможно, составляет 70% всего населения. Этого более чем достаточно, чтобы изменить направление развития и характер нашего общества, и, конечно, этого достаточно, чтобы вызывать радикальную социальную революцию. И, может быть, это будет первая революция, которая избежит кровопролития, простой смены диктаторов и неизбежной контрреволюции, следующей за предательством и утратой целей.

Нас достаточно много, чтобы перенаправить ход человеческой истории, изменив фундаментальные ценности, изменив само сознание. Мы не

получим требуемых изменений в сознании людей, пока не изменим ценности, -- мы не сможем перестроить ценности, пока не «переструктурируем личность». Мы не сможем этого сделать, равно как и положить конец расовым и экономическим преступлениям, пока не покончим с угнетением всех людей, с самой идеей насилия, господства, власти, пока мы не осознаем, что революция в политике пола является не только частью, но основой любого реального изменения качества жизни. Социальная и культурная революция в Америке и в мире зависит от изменения сознания, интегральной частью которого являются новые отношения между полами и новое определение человеческой природы и человеческой личности.

Раз мы пробудились и начинаем действовать, нас будет достаточно, и у нас будет направление движения и цель: первое подлинно человеческое состояние, первое по-настоящему человеческое общество. Давайте начнем революцию и начнем ее с любви: все мы, черные, белые и желтые; мужчины и женщины, -- несем ее в себе, и с нашей способностью созидать и творить новый мир мы могли бы выйти из пустыни, в которой живем, ибо наша судьба -- в наших руках.

Перевод с английского Натальи Мовниной

[1] Идеи, представленные в этом эссе (написанном в 1968 году), вошли в книгу: Millett K. *Sexual Politics*. New York, 1970. Ch. 2.

[2] Дэгвуд Бамстед -- вымышленный персонаж комиксов «Blondie», которые с начала 1930-х годов печатались в американских газетах. Выходец из обеспеченной семьи, которая прекратила с ним общение после женитьбы на «современной» девушке, Дэгвуд представляет собой комический образ простака-обывателя, больше всего любящего хорошо поесть, принять ванну и поваляться на диване, основными проблемами которого являются сосед-коммивояжер, постоянно налетающий на него почтальон, босс на работе и необходимость приходить на службу вовремя. -- Примеч. ред.

[3] Джиггз -- вымышленный персонаж в английских карикатурах и американских комиксах (широко использовался вплоть до 1950-х годов), представляющий комический архетип ирландца. Панч -- персонаж английского театра кукол, горбун с острым крючковатым носом, в

остроконечном колпаке, гуляка, плут, весельчак и драчун. -- Примеч. ред.

[4] Альберт Шенкер (1928--1997) -- американский учитель и общественный деятель, президент Объединенной федерации учителей (1964--1984) и Американской федерации учителей (1974--1997). Один из наиболее известных эпизодов его биографии, на который ссылается Кейт Миллет, связан с забастовкой белых учителей в округе Оушнхил-Браунсвилль Нью-Йорка. Город был разделен на школьные округа, каждый из которых возглавлял совет, состоящий из местных жителей. При том, что в Оушнхил-Браунсвилль жили в большинстве своем черные, в совет входили преимущественно белые представители местного населения. В 1968 году школьный инспектор округа уволил белых учителей из школ, которые посещали черные школьники, и Шенкер, будучи одним из этих учителей, созвал забастовку. До того момента, как конфликт был исчерпан (учителя были восстановлены на своих рабочих местах), было проведено еще три забастовки, все незаконные по нью-йоркскому законодательству о трудовых спорах, за что Шенкер провел пятнадцать дней в заключении, а оппоненты стали считать его расистом. -- Примеч. ред.

[5] Ричард Спек (1941--1991) -- житель Чикаго, совершивший 14 июля 1966 года убийство восьми студенток-медсестер из окружной больницы Южного Чикаго и подозревавшийся в других убийствах и изнасилованиях. Был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной на пожизненное заключение, умер в тюрьме. Говоря об индивидуальной патологии, Кейт Миллет имеет в виду обсуждавшуюся в ходе судебного процесса над Спексом возможность наличия у него ХУУ-синдрома: присутствие в генетическом коде мужчины одной лишней Y-хромосомы. Считалось, что, помимо повышенного риска возникновения задержек в развитии (в частности, в развитии речевых и коммуникативных навыков), ХУУ-синдром повышает склонность к совершению противоправных действий, связанных с насилием над личностью. Впоследствии было доказано, что у Спекса не было этого синдрома, а сама связь между данным генетическим отклонением и склонностью к преступной деятельности опровергнута. -- Примеч. ред.

[6] Речь идет о романе Доминик Ори, написанном ею под псевдонимом «Полин Риг»; одноименный фильм был снят позднее написания данного эссе, в 1975 году. -- Примеч. ред.

[7] В Швейцарии женщины стали получать избирательные права с 1971 года, последним был германоязычный полукантон Аппенцель-Иннерроден, в котором женщины обрели право голоса только в 1991 году. -- Примеч. ред.

[8] Цитата из поэмы английского поэта Джона Мильтона (1608--1674) «Потерянный рай» (1667). -- Примеч. ред.

[9] Джордж Уоллес -- губернатор-демократ из Алабамы, независимый кандидат в президенты США, участвовавший в выборах 1968 года и набравший 13,5% голосов. -- Примеч. ред.

[10] Маргарет Мид (1901--1978) -- американский культуролог и антрополог, приобретшая широкую известность в 1960--1970-е годы благодаря ведению колонок в прессе и выступлениям на радио и телевидении. -- Примеч. ред.

[11] Мурасаки Сикибу (примерно 973--1014) -- японская поэтесса и писательница периода Хэйан, автор романа «Гэндзи-моногатари». -- Примеч. ред.